

18+

Игорь Николаев

Иван и Александра

*Романтическая поэма
о любви, вере
и надежде*

Игорь Николаев

**Иван и Александра.
Романтическая поэма
о любви, вере и надежде**

«Издательские решения»

Николаев И. Н.

Иван и Александра. Романтическая поэма о любви, вере и надежде
/ И. Н. Николаев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-509535-0

За основу романтической, приключенческой поэмы взяты судьбы реальных людей. Действие происходит в 20—40-х годах прошлого столетия.

ISBN 978-5-00-509535-0

© Николаев И. Н.
© Издательские решения

Иван и Александра Романтическая поэма о любви, вере и надежде

Игорь Николаевич Николаев

(посвящается деду Ивану и бабушке Александре)

© Игорь Николаевич Николаев, 2019

ISBN 978-5-0050-9535-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

О тех, кто жил, для тех, кто жив

Я расскажу вам без прикрас
О том, что слышал и что знаю.
О жизни мой пойдет рассказ,
Что ж, потихоньку начинаю.

Шел первый беленький снежок,
Земля под чистым покрывалом.
В деревню утром слух дошел,
Что власть народная настала.

Снежки летели, смех ребят —
Для них пока всё очень просто.
Иван был тоже очень рад
Среди таких, как он, подростков.

Тогда не понял он еще,
Что жизнь в стране перевернулась.
И семьи все, и каждый дом
Рука истории коснулась.

В семье три брата, две сестры:
Василий, Сашка, Катя, Ольга.
Иван (был старшим среди них).
Но детство длилось их недолго.

Играли, дрались иногда
И быстро всё потом прощали.

А братья от других всегда
Сестер своих оберегали.

За них и дрались так всерьез,
С разбитым носом приходили.
Никто у них не видел слез,
И сестры раны им лечили.

И быстро штопали штаны,
Чтоб им от мамы не попало.
И все-таки, бывало, им
От мамы всё же прилетало.

Обычно тряпкой иль ремнем.
Отец – тот был намного жестче.
Но не за драки – за вранье.
Дурь выбивал, доставши вожжи.

И всё ж для них он был герой.
И уважали, и любили.
С войны с крестом домой пришел,
Бил за царя и за Россию.

Никто не думал, не гадал,
Что мужичок один картавый
Вдруг прочитает «Капитал»
И, как волчок, крутнет державу.

И завертелось, понеслось.
Отец – на сына, брат – на брата,
Что было вместе, стало врозь.
Крушили всё, так было надо.

Всё отобрали, что смогли,
А богатеев разогнали.
И ничего не сберегли,
Еще беднее только стали.

Война закончилась, и вот
Не стало красных, белых, синих.
Жестокий голод бил народ,
Болезни многих покосили.

Отец с Гражданской не пришел,
Заботы мать к земле пригнули.

Картошка в чугушке на стол,
И дети руки потянули.

Иван остался за отца,
Семья легла ему на плечи.
И что там дальше – не понять.
Лучина тускло в доме светит.

А «комиссары» чисто всё
В деревне напрочь забирают
И «продразверсткою» грабеж,
Грозь наганом, называют.

Газеткой машет лысый вождь,
Кидает лозунги лихие
И думает, его поймет
Народ безграмотной России.

И не понять ему народ,
Ведь из дворца не видно дали.
А на дворе опять снежок,
И Новый год не за горами.

А там еще один, другой.
Катились годы, тяжело было.
И лысый вождь от нас ушел,
Но это жизнь не изменило.

Ему на смену встал иной —
Усатый, жгучий и с Кавказа.
Как будто с гор слетел орел,
Задумал изменить всё сразу.

Колхозы стали поднимать
И сказками народ кормили.
Иван не смог тогда понять,
И многим ум тогда смутили.

Всё стало общим и ничьим,
А раз ничье, то и не надо.
Всех подравняли, как смогли.
Лентяям, пьяницам отрада.

Их трое в доме из мужчин,
И все в хозяйстве помогают.
Сестренки тоже подросли.
Готовят, моют, убирают.

Пошел Иван тогда в колхоз
За трудодни на пилораму.
Работал сутки – день и ночь,
Еще учился мало-мало.

Освоил грамоту вполне.
Писал, считал так понемногу.
И вот трудом своим сумел,
Поднял семью, и слава Богу.

Но лень и зависть – две сестры.
И злоба тоже ходит рядом,
И вот доносы понесли,
Что он «кулак», проверить надо.

Что много птицы у него,
Что яйца лишние он прячет,
Что мало молока сдает.
А значит, надо «раскулачить».

Что, в общем, хорошо живет,
Не так, как пьяницы-соседи,
Что агитацию ведет,
Чтоб власть крестьяне силой свергли.

И вот примчались на конях
В кожанках всадники лихие.
Скотину, птицу посчитав,
С собой Ивана уводили.

Не объяснив, куда, за что.
Стояла мать и братья, сестры.
Он крикнул им, махнув рукой,
Что обязательно вернется...

По деревням прошел террор,
Большевики всё палку гнули.
Забрали много мужиков.
Кого в тюрьму, кого под пули.

Он не один такой попал
Ему клеймо «кулак» пришили.
Хоть пули всё же избежал,
Но вот судьбу его решили.

В бараке грязном в темноте
Сидел и думал он о доме.
Сидел и думал о семье,
О новой власти, о законе.

А власть народная ему
Сказала, мило улыбаясь:
«Его и всю его семью
В края глухие высылают».

Не знали дома ничего.
Всё ждали, может быть, вернется.
Вот, кажется, шаги его,
Но нет, пурга в калитку бьется.

И так тянулись ночи, дни,
А ночь зимою длится дольше.
Хозяйство как могли вели,
Мать поседела еще больше.

Он не пришел, как обещал,
Зато примчались «комиссары».
Забрали всё, что можно взять.
Сказали им, чтоб собирались.

И вот на следующий день,
Собрав в узлы еду, одежду,
У русской печки в тишине
Сидели, грелись все, как прежде.

Последний раз всё оглядев,
Что дальше – только неизвестность.
Здесь жизнь была, и боль, и смех,
И дом дарил тепло и нежность.

И думы разные ползли:
За что судьба их наказала.
Вдруг стук какой-то у двери,
Мать по шагам его узнала.

И он вошел, но не один.
Худой и бледный, но здоровый.
Два конвоира рядом с ним,
И взгляд у них чужой, суровый.

Сказали: «Собирай узлы,
Выходим все на двор, к обозу.»
Он мать обнял, и все пошли,
Неся нехитрый скарбик к возу.

Обоз из нескольких саней.
Печально смотрят бабьи лица.
Сильнее кутают детей,
Чтоб им в мороз не застудиться.

И поползли леса, поля.
В далекий край, где всё чужое.
Где необжитая земля,
Где только ветер дикий воет.

Через неделю съели всё,
Остались крошки только детям.
Болели через одного,
А вот двоих уж Бог приметил.

Их хоронили по пути,
В снегу руками зарывали.
А через день уж не найти.
По следу рыщет волчья стая.

Но вот подъехали к реке.
«Стой!» – командир сказал обозу.
И люди подошли к воде.
Дороги нет, нет дальше ходу.

На льду вода и полыньи.
Все молча на реку смотрели.
Тут снова крикнул командир:
«Эх, черт, видать, не доглядели.

Наверно, сбились мы с пути.
Зима дороги все накрыла.
Попробуем обход найти,
Чтоб перейти возможно было.

Я весь отряд беру с собой.
У вас тут мужиков хватает.
Кругом тут «контры» ведь полно,
Лес дикий тут их укрывает.

И если вдруг случится бой,

То в нем боец мне каждый важен.
Для вас же контра – значит, свой.
Вы ж кулаки, он вам не страшен.

Мы ненадолго, час иль два.
Дорогу сыщем и обратно.
А вы отсюда никуда.
Да вам и некуда деваться.

Без нас дороги не найти,
На корм волкам или замерзнуть.
А впрочем, можете идти,
За хвост свою удачу дернуть.»

Отряд растаял в белой мгле,
Мешок пшена на всех оставив.
Скатилось солнце по горе
И скрылось, сумерки настали.

Всю ночь мужчины стерегли,
Огнем пугая волчью стаю.
Кострами грелись как могли,
В саях под сеном дети спали.

Ночь проползла, а после день.
И стало ясно, что неясно,
Отряд вернется ли теперь,
Иль ждать его уже напрасно.

А может, это план такой,
Их завести сюда и бросить.
Ведь не узнает же никто.
Кто про врагов народа спросит?

В народе паника пошла,
Как жить или куда податься.
И, обсудив все против, за,
Решили: надо оставаться.

Наутро, только рассвело,
Мужчины стали собираться,
Чтоб нарубить побольше дров,
Ведь надо как-то обживаться.

Вот мужики, кто посильней,
В лесок отправились гурьбою.
Три топора всего-то есть.
Кто смог, из дома взял с собою.

Назад теперь им не дойти,
Ведь лошадей им «дохлых» дали.
И сена нет уже почти,
А потому дойдут едва ли.

И волки бродят по пятам.
Да и дорогу снег завьюжил.
А здесь хоть рядом есть вода,
И к ночи будет «добрый» ужин.

Варили в стареньком ведре.
Что было, всё туда сложили.
По очереди ели все,
А первыми детей кормили.

Еда казалась хороша,
Вкуснее сладкого шербета.
И заиграла вдруг душа,
На миг заботы скрылись где-то.

О, эта русская душа!
Не знаю я другой подобной.
В ней столько силы и добра,
И нет в ней места грусти долгой.

Запели тихо при луне,
И горечь схлынула на время.
И уж несется по реке
Многоголосье песнопенья.

И даже нечисть до утра
Притихла в том лесу дремучем.
И скрылась в чаще: «Во дела!
Да, их так просто не замучить.»

И долго языки костра
Еще ласкали тьму ночную.
Заря им новый день зажгла
И взгляд на жизнь совсем другую.

И поутру они уже
Судьбу не кляли так безбожно.
И поняли, что нужно здесь
Стараться выжить, как возможно.

Пусть это будет тяжело,
Но вместе можно гору сдвинуть.
И выжить всем смертям назло,
Всем вместе выжить, не погибнуть.

Так обсуждали у костра,
Собравшись все: и млад, и старец.
И каждый всё сказал сполна,
И вместе «старшего» избрали.

Без старшего не обойтись.
Задачи, споры пусть решает,
А что-то общее решить
Пускай собрание собирает.

И сразу первый встал вопрос.
Где жить: в землянках или строить.
Но спорить долго не пришлось.
В три топора всё не устроить.

Дрова рубили, жгли костры,
Чтоб землю отогреть быстрее.
Рыхлили землю топоры,
Копали, руки не жалея...

Да, в общем, было нелегко,
Хоть взгляд на жизнь переменили.
Питались тем, что Бог пошлет,
И как-то до тепла дожили.

Но без потерь не обошлось,
Еще двоих похоронили.
Тринадцать было мужиков,
А дальше дети, бабы были.

Двух сохранили лошадей,
Хоть и худых, но сохранили.
Пусть отъедаются теперь
В полях на травном изобилье.

Собрали сходку мужики.

Сидели, спорили, решали:
«А всё же надо нам идти
Искать жилье в другие дали».

«И рыбы можно наловить,
И ягоды с грибами будут».
«Но вот без хлеба не прожить.
И без картошки будет туго».

«Нам зиму здесь не пережить,
Хоть ягод и грибов засушим».
«Нам рыбу нечем засолить.
Конины есть всего полтуши».

«Бригады надо собирать.
По три, наверно, человека.
И в разные концы послать.
Одних за лес, других за реку».

Решили, хватит трех бригад.
А завтра надо плот построить,
А послезавтра уж с утра
Им выходить, наверно, стоит.

Решили, так тому и быть.
Назавтра девять добровольцев
С утра начали плот рубить.
Нашли деревья, что побольше.

И застучали топоры.
Трудились целый день на славу.
Иван там с ними тоже был,
Он старшим был на всю ораву.

Он бригадиром избран был
Бригады той, что шла за реку.
Семью он братьям поручил:
Всё ж мужики, два человека.

Плот был готов, и вдруг одна,
Одна из девушек серьезно
Сказала, что пойдет она
За реку с ними, если можно.

Девчонку Сашкой мать звала,
Отец же кликал Александрой.
Она к Ивану подошла:
«Мне очень нужно. Можно? Ладно?»

Переглянулись все вокруг.
Желанье странное, конечно.
Поход тяжелый. Может вдруг
Случиться что там. Неизвестно...

Но Сашка крепкая была.
Кровь с молоком, как говорится.
И рослая не по годам.
Возможно, может и сгодиться.

Иван всё понял, неспроста
Девчонка с ними напросилась.
Он раньше видел, как она
Украдкой на него косилась.

Ну что ж, девчонка хороша,
Захочет – своего добьется.
Вот и родителям она
Пообещала, что вернется.

«Пускай идет, – сказал Иван. —
Но всё по-равному, без скидок.
И чтобы слез не лила там,
И чтобы не было обиды».

Плот был готов, и решено,
Что выйти надо утром рано.
С собой всё собрано давно.
Осталось так, что мало-мало.

Еды собрали, что смогли:
Сушеных ягод, рыбу, мясо.
А дальше всё, что по пути,
А что в пути – совсем неясно.

С собою взяли три ножа,
Рогатин пару, пару кольев,
Одежды теплой каждый взял,
И всё, наверное, не боле.

Решили топоры не брать.
Вернутся, нет, никто не знает.
А людям вдруг тут зимовать,
Им надо запастись дровами.

Всю ночь у яркого костра

Иван сидел с семьею вместе.
Разлука долгой быть могла,
Когда вернется, неизвестно.

Наказы братьям раздавал.
Семья на плечи их ложится.
Сестер и мать он утешал,
Что с доброй вестью воротится.

Чуть свет, а все уж на ногах.
Народ их провожал с надеждой.
Теперь жизнь всех у них в руках,
Сестер и мать прижал он нежно.

И вот бригада на плоту.
Руками машут на прощанье.
Куда идут, и что найдут,
И выполнят ли обещанье...

Другие две бригады в лес:
Вверх по реке и вниз уходят.
Им все смотрели долго вслед.
Пусть не погибнут, пусть приходят.

И понесла река вперед,
Вперед, в неведомые дали.
И что их ждет, и кто их ждет,
Как прежде, вновь они не знали.

В лицо дул свежий ветерок,
А в сердце – уголек надежды
Что всё ж спасут они народ
И будут вместе все, как прежде.

Вдоль берега леса, поля.
Не видно ничего жилого.
Чужая, дикая земля.
И снова лес, и снова, снова.

Уже полдня они плывут.
Наверное, пора причалить.
И дальше уж пешком пойдут,
А плот придется здесь оставить.

На берег вышли не спеша

И сразу уходить не стали.
Расположились у костра,
Лесной смородины нарвали.

Согрели в кружке кипятка,
Для аромата листьев бросив,
Нарвали ягоды с куста,
Иван решил маршрут прибростить:

«Пойдем от речки по прямой,
Верст восемь-десять прошагаем,
А там посмотрим, что к чему.
Вдруг попадет тропа какая».

Прошли по лесу целый день.
Стемнело, встали на привале.
Немного надо и поесть.
В пути лишь ягодой питались.

А лес дремучий и густой,
Местами чаща непролазна.
Гудели ноги, но никто
Не ныл и не отстал ни разу.

Зажгли костер и не спеша
Соленой рыбой подкрепились.
Потом с клубникой кипятка
За разговорами напились.

«Да, день сегодня трудный был
И не принес пока удачи.
Тропу пока что не нашли,
И завтра снова в поиск значит».

«Что завтра, как, куда идти:
Свернуть иль дальше прямо-прямо».
«И хоть бы что-нибудь найти,
Что б направленье указало».

«А ладно, надо отдохнуть,
Ведь утро вечера мудрее.
Вот утром и наметим путь.
На бодрый взгляд оно виднее».

Взошла луна, всё осветив.

Уснули все, Иван остался.
И у костра, про всё забыв,
Он вдруг фантазиям отдался.

Представил остров, а на нем
Деревья – пальмами зовутся.
И Пятница, и Робинзон.
Цветные птицы рядом вьются.

У пальмы листья лопуха,
А то, наверное, побольше.
Есть говорящий попугай.
Вот это диво, так уж точно.

Про всё про это он читал
В потертой, мятой, старой книге.
И много раз перечитал,
И в снах потом всё это видел.

Там нет зимы и снега нет.
Цветные рыбки в синем море.
И солнце дарит теплый свет.
Всё так красиво и спокойно.

Не нужно зимних там одежд,
Там круглый год всё зеленеет.
А чернокожий человек
Когда и врет, то не краснеет.

Там можно за год собирать
Картошки по два урожая.
Наверно, автор всё ж приврал,
Ведь так на свете не бывает.

Вот если бы туда попасть,
Взглянуть одним хотя бы глазом.
Да, расхотелось даже спать,
Хотя вздремнуть, конечно, надо...

Спокойно ночь прошла в лесу.
Никто их сон не потревожил.
Костер почти погас к утру,
И дальше в путь идти уж можно.

Решили повернуть они.
Вчера верст двадцать прошагали.
Вверх по течению пошли

К притоку, что они видали.

Но сколько до него идти,
День или два, они не знали.
Его заметили они,
Когда по речке проплывали.

Шла Сашка с ними наравне
И снисхожденья не просила.
К Ивану с каждым днем сильней
Ее любви тянула сила.

Иван-то тоже был не прочь
С ней перекинуться словами.
Иль пошутить, или помочь,
Иль сесть поближе на привале.

А мужички, что с ними шли,
Давно семейные уж были.
В них перемену засекли
И меж собою окрестили.

Подшучивали без обид
Над ними, дело молодое.
«Пускай воркуют голубки,
Вернемся, свадьбу устроим».

Уже два дня прошли, а вот
Притока не было в помине.
Иль так течение унесло,
А может, мимо проскочили.

Нет, мимо не должны пройти,
Ведь не ручей они видали.
И лес стал реже на пути.
Наверно, всё же дошагали.

И вот река открылась вдруг,
Прохладный ветерок повеял.
Усталость липкую он сдул,
И тяжесть на душе рассеял.

Смывая тяжесть прошлых дней,
Они плескались, словно дети.
Иван на Сашку посмотрел:

«Она ж прекрасней всех на свете!»

Она давно любви ждала
Того, кто был ей всех милее.
Всё для него лишь берегла,
Чтобы отдать, не сожалея.

Любовь втекала в них с водой,
И ива скромно прикрывала,
Чтоб взгляд какой-нибудь чужой
Не запятнал любви начало.

Всё было вновь и в первый раз.
Все ощущения: боль и радость.
Касанье тел, сиянье глаз
И поцелуев нежных сладость.

Река их мягко обняла,
Лучом ласкало солнце с неба.
Она так счастлива была,
Он никогда так счастлив не был.

Они забыли обо всем.
Пускай на время, но забыли.
Им было хорошо вдвоем,
Их волны страсти уносили.

Туда, к волшебным берегам,
Где всё спокойно и красиво.
Ночь незаметно подошла,
Взошла луна неторопливо.

Они уснули до утра,
Пускай ничто их не тревожит.
Своим пологом тишина
Укроет их ночное ложе...

С утра опять в нелегкий путь.
Гадать, куда теперь податься:
Направо, влево повернуть
Иль за реку перебираться.

И был один больной вопрос.
Припасы были на исходе.
И был ответ довольно прост:
«От речки, значит, не уходим.

Здесь рыбы можно наловить.

С водой проблем не будет тоже».
«Уходим от большой реки,
А там нам Бог пускай поможет.

Эй, мать-природа, подскажи.
Куда идти, скажи нам, ветер,
Ты знаешь все вокруг пути».
Но он молчал и не ответил.

Вверх по течению пошли,
Жара была как в русской печке.
Часа, наверно, три прошли
И сделали привал у речки.

Спустился Федор вниз к реке
Разведать место для рыбалки.
И вдруг какой-то плеск в воде
И крик: «Сюда скорее, братцы!»

Рванулись все на крик скорей,
Но, увидав, оторопели.
Иван к рогатине быстрее,
Нельзя тут мешкать в самом деле.

Медведь ломает мужика.
Здоровый зверь, пудов так двадцать.
Не вырваться тому никак,
Нет сил, чтобы с таким тягаться.

Иван рогатиною в бок
Ударил так, как сил хватило.
Не разбираясь, а как мог.
Не до прикидок точно было.

Ударил, выдернуть успел
И отскочил шагов на восемь.
Медведь отпрянул, заревел,
Мол, кто ему тут вызов бросил.

Оставив жертву на потом.
Слюна текла из злобной пасти.
Зверь был взбешен и был готов
Порвать обидчика на части.

Медведь поднялся, зарычал,
Но мужики уже собрались.
Иван рогатину держал,

Степан поднял тяжелый камень.

Медведь метнулся к одному,
Но камнем получил по морде.
Отпрянул, мордой мотанул,
А не понравилось как вроде.

Но ненадолго отступил
И снова кинулся в атаку.
И видно было: не шутил,
Смертельную затеяв драку.

Они не знали, как же им
С такою глыбою тягаться.
А зверь, видать, матерый был
И, в общем, знал, как дальше драться.

Медведь спокойно, не спеша
Их гнал по лесу, словно зайцев.
Спустилась в пятки их душа,
Куда бежать, что делать дальше.

И стали вспоминать они
Рассказ охотников бывалых,
Как те с рогатиною шли
Медведя брать, и получалось.

И смысла нет бежать вперед,
Зверь раненый вдвойне страшнее.
Он их по запаху найдет,
Следы запутать не сумеют.

Припомнили они точней
Из тех охотничьих рассказов,
Что нужно действовать быстрее
И сообща всем надо, сразу.

Они слегка оторвались
И притаились за кустами.
Все действия обговорив,
Сидели молча, тихо ждали.

И вот раздался веток хруст,
Рычание и сопение злое.
Иван решил убить, рискнуть,
Зато оставит их в покое.

Он сжал рогатину в руках
И в напряженье ждал, ну, ближе.

И вот медведь уж в двух шагах,
И он ему навстречу вышел,

Точнее, прыгнул из кустов,
И зверь сначала отшатнулся.
Потом поднялся во весь рост
И на Ивана замахнулся.

Зверь навалился и взревел,
И дыбом сразу встала холка.
И зарычал, и захрипел,
Упал и замер уж надолго.

Да, повезло им, что сказать,
Рогатина попала в сердце.
А если б нет, не убежать,
Куда в лесу от зверя деться.

Иван в крови измазан был.
Медведь плечо задел когтями.
«Пошли скорей обратно к ним», —
Сказал. И к речке побежали...

Картина мрачная была.
В крови был Федор, без сознания.
А рядом Сашка вся в слезах,
И речки тихое журчанье.

Иван присел, обнял ее,
Она прижалась и затихла.
Да, Федор был ужасно плох,
Ему нужна была больница.

Что делать, как им дальше быть,
Они сидели и решали.
Отсюда надо уходить,
Чтоб вновь медведи не напали.

Двумя ножами кое-как
Березки тонкие свалили.
И из одежды, что была,
Носилочки соорудили.

«Навряд ли Федю мы спасем,
Но здесь ведь тоже не оставим.
Тихонько вдоль реки пойдем,
Глядишь, кого и повстречаем».

Темнело, скоро ночь уже,
Вот и луна на небо вышла.
Пусть завтра будет без дождей.
И птиц почти уже не слышно.

Укрыли Федора теплей.
Он так пока и не очнулся.
Что принесет им новый день,
Пора б удаче улыбнуться.

Пусть хоть немного, хоть чуть-чуть,
Пускай намек хоть им подарит,
Что верный выбран ими путь,
Тогда на сердце легче станет.

Скатилось солнышко за лес,
Костер горел, трещал, искрился.
Степан тихонько что-то пел,
Наверно, вспомнил близких лица.

Иван сидел, обняв ее,
Уже родную Александру.
Им было вместе хорошо,
Друг друга ощущая рядом.

И вскоре сон ее сморил,
Он лег, укрыв ее теплее.
Прижал к себе и ощутил,
Что любит с каждым днем сильнее.

Она легла ему на грудь
И тихо, сладко задремала.
Пусть ей приснится что-нибудь
Из сказок, что она слыхала...

Вот белокаменный дворец
И с золотыми куполами.
Фонтаны плещут во дворе,
И сад с прекрасными цветами.

Деревья дивные стоят
С плодами, что и меда слаще.
А птицы на ветвях сидят —
На свете не найдешь прекрасней.

Их трели услаждают слух,
Их оперенье восхищает.
Здесь нет похожих даже двух.
Всё разноцветием сияет.

Здесь солнце светит круглый год.
Здесь непогоды не бывает.
Здесь всё спокойно и светло,
И горя здесь никто не знает.

Животных тут красивых тьма
Различной формы и окраски.
Вода прозрачна и нежна,
И звуки музыки прекрасны.

Она и он, и всё в коврах.
Он принц, она его принцесса.
В красивом зале всё в огнях,
И вот уже им стало тесно.

Они взлетают и парят,
И фейерверков брызги блещут.
Под ними кружится земля,
И жизнь как сказочная песня...

Луч солнца звезды стер с небес,
Их синевой накрыло небо.
Свет яркий пробивался в лес,
Но этот день счастливым не был.

Скончался Федор тихо в ночь.
Ножами вырыли могилу.
Крест из березовых стволов.
Прими, земля, родного сына.

Резное имя на кресте
И – хоть примерно – дата смерти.
Вокруг шумел дремучий лес,
Стволы качал бродяга-ветер.

И снова ночь, а после день.
Природы вечное движенье.
Горит костер, танцует тень,
Скользит и кружит меж деревьев.

А звезды в небе как цветы.
Переливаются и блещут.
И из бездонной темноты
Глядит на них немая вечность.

И где-то там, возможно, есть
Такой же мир, и лес, и речка.
И кто-то так же, как и здесь,
Глядит на них сквозь бесконечность.

Конечно, всё у них не так.
Другие краски, взгляды, речи.
Но иногда сквозь звездный мрак
Они глазами ищут встречи.

Лучи от взглядов всех миров
Летят, вселенную пронзая.
Но только взгляд один родной
Нам прямо в сердце попадает.

Взгляд этот дарит нам огонь,
Который никогда не гаснет.
Тепло, и радость, и любовь.
Что может быть еще прекрасней?

Холодный свет от звезд летит.
Ночь, и луна, и шепот речки.
Она, прижавшись, тихо спит.
Он спит, обняв ее крепче...

Запели птицы, и опять
Ночь растворилась в ярком свете.
Путь надо дальше продолжать,
А место в памяти отметить.

Ну что ж, простились, и пора.
Попили кипятка, собрались.
Опять идти. Сюда? Туда?
Кругом неведомые дали.

И вдруг в лесу какой-то хруст.
Медведь, наверно, снова лезет.
Они укрылись все за куст,
Пускай их лучше не заметит.

Опять всё стихло, ничего.

Что: было или показалось?
А сзади голос: «Эй, вы кто?
Как в этом месте оказались?»

Все обернулись. Мужичок
С ружьишком и собака рядом.
Глядит с прищуром, но не зло.
Собака смотрит добрым взглядом.

Они не знают, что сказать.
От радости все мысли в кучу.
Живую душу повстречать
Им повезло в лесу дремучем.

Потом немного отошли
И загалдели невпопадку.
Иван сказал: «Эй, всё молчим!»
И объяснил всё по порядку.

Что власть народная их всех
Вдруг объявила кулаками.
И их, и членов их семей
Сюда вот в ссылку и сослали.

«Но ссылка – это же не смерть,
А нас конвой завел и бросил.
Иль что, не люди мы теперь?
Иль мол про нас никто не спросит?

Ну ладно б были мужики,
А то ведь бабы, ребятишки.
Среди неведомой тайги.
И хлеба нет, есть только шишки.

«Да, невеселые дела, —
Сказал им мужичок. – Давайте
Мы познакомимся сперва.
Поговорим, не унывайте».

Он наклонился и достал
Картошку, полбуханки хлеба,
Головку лука, сахар, чай.
Что это: быть иль всё же небыль?

От вида этой всей еды
У них в желудках засосало.
Но в этом не было беды,
Их всё ж удача повстречала.

Костер горит, и разговор
Меж тем приятный затянулся.
Он им представился Петром,
Скрутил сигарку, улыбнулся.

И прикурил от уголька.
Картошки бросил, пусть печется.
«Дорога ваша нелегка,
Но всё ж пройти еще придется.

Медведя тут недалеко
Не вы случайно завалили?
Он что же, сам на вас пошел?
Иль вы зверюгу раздражили?»

«Он сам на Федора напал.
Никто его не злил, не трогал.
Вот я рогатиной и дал,
Степан ударил камнем в морду.

Зверь бросил Федора, и к нам.
Мы в лес бегом, и он за нами.
Да в общем, виноват он сам.
Мы ж ему смерти не желали.

Я ж не охотник, в первый раз
С рогатиной и на медведя.
И Бог меня, наверно, спас.
Не дал погибнуть в лапах зверя».

«Давненько что-то не слышал
Я про медведей вот такое.
Да, Федора, конечно, жаль,
И что-то лес стал неспокоен».

Сходили к Федору еще,
А Петр сказал, что крест он срубит,
И установит здесь его,
И приглядит, пока жив будет.

«Живу я здесь недалеко.
Охотой, сбором промышляю.
Сын, дочь, собака, вот и всё.
В округе верст на сто всё знаю

Я думаю, что к ночи вы
В деревню точно доберетесь.
Но надо реку перейти,
И шагов двести отойдете.

И так идите вдоль реки.
Стемнеет, всматривайтесь лучше.
Должны видны быть огоньки,
Хоть лес, конечно, будет гуще.

А провожать вас не пойду,
Пора домой мне возвращаться.
В деревню после я приду
Муки да сахарку набраться».

Простившись, двинулись они.
Как Петр сказал, пошли вдоль речки.
Потом по броду перешли.
Какая ж будет эта встреча?

И краски стали веселей,
И солнце в небе заиграло.
Вдруг застучало по листве
И зашумело, зашуршало.

И дождь слепой, веселый дождь
Из тучки маленькой, залетной
Обрушил звонкий свой поток
Из сотен струй блестящих, тонких.

Он их касался, и ласкал,
И обнимал, струясь игриво.
В листве на солнце он блистал,
В траве бежал неторопливо.

Он пробегал по волосам,
И по губам, и по ресницам.
И всё ласкал, ласкал, ласкал,
Уже не мог остановиться.

И он хотел всё лить да лить,
Не рассчитал свои он силы.
Не смог до нитки промочить,
Лишь только напугал игриво.

Он всё ж не волен над собой.
Иссякла тучка, небо чисто.
Отдельных капель мягкий звон
Стихает, шлепая по листьям.

И дождь исчез в траве густой,

Оставив миллионы капель,
Омыв леса, поля водой,
Он силы все свои истратил.

И, в этих каплях отразясь,
Разбилось солнце на частички.
И всё сверкает, серебрясь,
И вот уже запели птички.

Их пенье звонкой чистотой
Природу всю околдовало.
Как вольно дышится, легко,
Душа в груди затрепетала.

И хочет птицей воспарить.
Так хорошо, приятно стало.
И хочется любить и жить.
Жить и любить, и всё сначала.

Пусть дождичек смочил слегка,
Но ведь не сахар, не растают.
Их солнце гладило, любя,
А ноги всё быстрее шагают.

Хоть и неясно, что да как.
Как примут: плохо ль, хорошо ли.
Но это лучше, чем никак,
Ведь нет сейчас их хуже доли.

«Быть может, встретят хорошо,
А может, как-то и не очень», —
Так говорили меж собой
И шли. Уже всё ближе к ночи.

И вдруг какой-то огонек
Средь сумерек, еще, и много!
Да, славный выдался денек.
Дошли, нашли, и слава Богу!

Вошли в деревню. Лай собак,
Мычат коровы, блеют овцы,
Гармонь играет, смех девчат.
Они направились к колодцу.

Попили чистенькой воды,
Остановились, огляделись.
Тут всякий знает, кто свои,

И люди пристально смотрели.

Тут старичок к ним подошел:
«Откель такие? Заблудились?»
«Из лесу мы, – сказал Иван. —
А старший кто? Поговорили б».

«А старший здесь Козьма Ершов.
Он здесь сегодня председатель.
Есть командир и взвод бойцов,
И комиссар к нему назначен.

Контора вон, чуток левей.
Я провожу, пойдемте вместе.
А всё же будете откель?
Мне очень даже интересно».

«В края мы ваши забрели
Уж точно не по доброй воле.
В конторе вот поговорим,
И всё узнаете вы вскоре.

И познакомимся сперва.
Меня Иваном с детства звали.
Вот Александра и Степан,
А Федора мы потеряли».

«Меня зовут все дед Игнат,
Я тут давно уж обитаю.
Лет тридцать уж прошло, а как
Сюда вот занесло, не знаю.

Конечно, знаю, как не знать,
Но эта сказка долгой будет.
Когда-нибудь потом опять
Поговорим, коль не забудем».

«А дед Игнат, скажи-ка, как
Деревню вашу обзывают?»
«Да, видно вы издалека.
Крутиху все в округе знают.

Название наше от реки,
Что меж камней бежит и крутит.
Ту Закрутихой нарекли.
С рожденья, видно, воду мутит.

А там подальше, за лесок,
Она в большую реку входит.

Вот та уж матушка несет
И в море синее уходит.

С большой реки нас не видать,
Лес нас надежно закрывает.
А ближе строиться нельзя,
Весной, бывает, разливают».

«А я-то думаю, как мы
Деревню вашу проскочили.
Огней не видели с реки,
Так мимоходом и проплыли».

«Вот мимо вас и пронесло,
Но всё ж таки, гляди, добрались.
Выходит, есть у вас чутье.
В лесу иголку отыскиали».

«Да ну, какое тут чутье, —
Сказал Иван, рукой махая. —
Да если б не охотник Петр,
Не знаю, где б сейчас шагали».

«Так значит, встретили Петра.
Давненько я его не видел.
Он редко кажет нос сюда,
Хотя никто и не обидел.

Сначала жил в лесу с отцом.
Отец помёр, один остался,
В деревню звали, не пошел,
Как рак-отшельник обитался.

Потом замаялся один,
Увел жену себе отсюда.
Родилась дочь, родился сын,
Но вскоре женке стало худо.

Недолго мучилась она,
Не помогли коренья, травы.
Через полгода померла,
А сын тогда еще был малый.

И дочери всего пять лет
Тогда еще, наверно, было.
Но Петр сдюжил – молодец,
Детей поднял и полон силы.

Сейчас они уже ого!

Его повыше ростом стали.
Дочь здорова, а кулаком
Быка, наверное, завалит.

К ней много сваталось парней,
Но быстро все поубежали.
Она обнимет – так ей-ей.
Аж ребра все внутри трещали.

А сын – охотник, весь в отца.
Бьет белку в глаз, не промахнется.
Да, вот такая вот семья.
Судьба нас крутит и смеется.

Я вот про Федора, Иван,
Не понял, как так – потеряли.
Он что, был с вами и отстал?
А вы кричали? Вы искали?»

«Да нет, дед, всё совсем не так.
Медведь напал здоровый, злобный.
Он Федора и поломал.
Сдавил, сломал, наверно, ребра.

Внутри, похоже, кровь пошла,
Лежал от боли без сознания.
Похоронили вот вчера,
Жена и сын одни остались».

«Да, это точно уж дела,
Давно такого не слыхали.
Чтоб сам вот так медведь напал.
Его, похоже, кто-то ранил.

Похоже, злой он на людей,
Ведь так медведь не нападает.
Уж я-то знаю, мне поверь,
Конечно, всякое бывает.

Хоть не охотник я, но был
В лесу по молодости долго.
Но, видишь, вот здоров и жив,
Хотя медведей видел много.

Про это расскажу потом,
А ты загадками говоришь.
У Федора жена с сынком.
И где они? Секрет откроешь?»

«Ох и хитер ты, дед Игнат.
Всё норовишь узнать скорее.
Вон там, похоже, красный флаг.
Контора. Так идем быстрее...»

Зашли в избу. Кто, как, за что.
Всё председателю сказали.
Про то, как семьи мужиков
Как кулаков в тайгу сослали.

И про конвой, и про детей.
Как рыли топором землянки.
Кору как ели, лошадей
И как, собравшись на полянке,

Решили, что пора идти.
Собрали мужиков в бригады.
И в три направили пути.
«Вот вас нашли и очень рады».

«Да, интересные дела, —
Сказал Кузьма, рассказ послушав. —
Тут, видно, нужен комиссар,
Сходи, Игнат, по его душу.

Да, что-то слышал я зимой.
Пропал обоз в лесу с конвоем.
Везли там ссыльных мужиков,
Но я не знал, что их с семьею.

Да, вишь, какой сейчас закон.
Чуть что не так, и вот сослали.
И это, в общем, повезло,
А то ведь многих расстреляли».

Тут появился комиссар.
Чубатый, с пухлыми губами.
Зашел и рядом с ними встал.
Сам в кожане и при нагане.

Взгляд, в общем, как бы и не злой,
Но недоверчивый и колкий.
К Ивану сразу: «Кто такой?
Давай рассказывай всё толком».

Но тут Кузьма опередил:
«Они из ссыльных, что зимою

Обозом по тайге везли.
Сопровождали их конвоем.

Похоже, сбились с пути,
Конвой их у реки оставил.
Мол, всё равно им не уйти,
Никто ж не знает наши дали.

Отряд, похоже, поскакал
Искать дорогу к нам, но, видно,
Похоже, снова заплутал,
А вот людей оставил гибнуть.

Сейчас уж ночь, пусть до утра
Поспят и отдохнут с дороги,
А утром всё расскажут нам
Об остальном «лесном народе».

Как отыскать всех остальных
И как их привезти оттуда.
Всё надо сделать до зимы,
Не то им там придется туго.

«И верно, лучше уж с утра
Здесь соберемся и обсудим», —
Сказал чубатый комиссар. —
«Игнат, ты дай приют уж людям».

«Конечно, что ж, пойдем ко мне.
Живу один я уж три года.
Жену я схоронил уже,
Сыны умчались на свободу.

Где носит их, не знаю я.
Давно уже вестей не слали.
Корова, куры – вся семья.
И есть кобель по кличке Шарик...»

«А вот и дом. Ну как? Хорош?
Из кедра строил всё, на совесть.
Он простоит еще, дай Бог.
А может, баньку мы устроим.

Эй, Шарик, ну-ка перестань.
Облаял, вот и всё, на место.
Свои ребята, так и знай.
Жить будем здесь, все дружно, вместе.

Вы проходите прямо в дом,
Располагайтесь поудобней,
А я закину в баньку дров,
Кедровый веник приготовлю».

Внутри ухожено, уют.
На стенах много фото в рамке.
В углу иконы две стоят,
Висят пучки какой-то травки.

Пришел Игнат: «Я в баньке там
Картошки чугунок поставил.
Лександра, дочка, накрывай.
Да не стесняйся ты, родная.

Гляди: смутил, зарделась вся.
И что-то мужики притихли.
Эх, где бутылочка моя?
Давайте за знакомство выпьем».

Бутылка мутная на стол,
Стаканы звонко застучали.
Разлился в теле самогон,
И мысли веселее стали.

Лучок, огурчик, помидор,
Картошка в чугунке поспела.
Стучат стаканы, разговор,
И вот уже душа запела.

Песнь про бродягу завели,
Что плыл на лодке по Байкалу.
И снова беды отошли,
И грусти как и не бывало.

Дед вспомнил молодые года,
Когда по лесам он скрывался.
От бедности гнета бежал,
С такими, как он, повстречался.

«Свободы хотелось тогда,
Свободы и жизни нормальной.
И тяжело пришлось господам,
Которые в лес попадали.

Но скоро издал царь указ:
Покончить с разбойничьим братством.
И в лес понаслали войска,
Чтоб разом со всем разобраться.

Пришлось уходить вглубь лесов,
На время разбойничать бросить.
Потом разбрелись куда кто.
И где их теперь леший носит?

А я вот досюда добрел.
Понравилось это местечко.
Жену себе здесь я нашел
И, в общем, осел здесь навечно.

Здесь было всего семь дворов,
И люди здесь дикие жили.
Ведь город от нас далеко.
Охотились, рыбу ловили.

А после товар по реке
Купцы пароходом возили.
Муку, сахар, крупы. Вполне
Неплохо тогда мы зажили.

Мы всё на пушнину, грибы
Соленую рыбу меняли.
Но тут перемены пришли,
Купцов на реке разогнали.

Теперь очень редко сюда
Какой пароход заплывает.
Мы сами обоз иногда
До города нынче собираем.

Пушнину везем и грибы,
Копченую рыбу, соленья.
Обратно – крупы и муки,
Еще сахарку для варенья».

«Вот старый черт я, позабыл,
А баня давно уж поспела.
Давно ни с кем не говорил,
Не остановишь это дело.

Пусть молодежь пока идет,

А то сидят тут и скучают.
Им уж, наверно, невтерпеж.
Вишь, как друг дружку прижимают.

Идите, веник, ковшик там,
А мы тут выпьем со Степаном.
Эх, Александра хороша.
Да, славная сойдется пара».

Им дед огарок дал свечи,
Чтобы в потемках там не мылись.
Они, довольные, ушли,
А то сидеть уж притомились.

«Ну что, Степан, ты наливай.
Семья-то у тебя большая?»
«Да нет, один лишь сын пока.
О дочке мы с женой мечтали.

Теперь уж, видно, не судьба.
Хозяйство, дом – всё отобрали.
Сослали вот теперь сюда
И «кулаком» еще назвали.

За что? За то, что я трудом,
Своим трудом поднял хозяйство.
Построил сам хороший дом.
Не побирался и не кланчил.

А те пьянчуги и воры,
Что не хотят совсем работать,
Те новой власти, знать, нужны,
Чтоб разбазарить всё в два счета».

И затянулся разговор
О новом, старом. Что же лучше?
В стаканы лился самогон,
Хрустел солененький огурчик...

А в бане пар обнял тела,
И шлепал веничек кедровый.
Такая свежесть, чистота,
И веник хлещет снова, снова.

А телу хочется еще,

И ковшик льет на камни воду.
И жар захватывает всё,
Сжимает всё, и нет свободы.

Вот жара схлынула волна,
Тепло струится внутрь по телу.
Такая нега разлилась,
Смола стекает вниз по стенам.

Водой облился ледяной,
И снова в жар, а веник хлещет.
И тело дышит чистотой,
Душа внутри аж вся трепещет.

Довольны банею вполне.
Вдыхая свежий запах ночи,
Они сидели при луне,
И хорошо им было очень.

Иван пошел сказать, чтоб дед
Шел в баню мыться со Степаном...
Бутыль пустая на столе,
А с нею рядом два стакана.

Дед завалился на печи,
Степан лежал внизу, на лавке.
Тихонько спали мужики,
Знать, не судьба помыться в баньке.

Он тихо затушил свечу
И вышел из дому, а в небе
Как будто кто из звезд вверх
Раскинул сказочные сети.

И вот, как в сети рыбака,
Как будто рыба в море синем,
Попалась яркая луна,
И нет оттуда ей спасенья.

И от прикосновенья рук
Им тоже нет уже спасенья.
Дурманил разнотравья дух
На сеновале в мягком сене.

Одежда прочь, и шепот губ.

Слова любви, томленья звуки.
И нежные касанья рук,
И предвкушенья сладки муки.

Пульс учащается, и кровь
Всё заполняет до предела.
И ощущения, как вино,
Все растекаются по телу.

А руки, медленно скользя,
Волнуют бугорки и ямки.
И звуки в воздухе парят.
Дыханье стало очень жарким.

Рот приоткрыт, и поцелуй
Сливает губы с замираньем.
Не стало ничего вокруг.
Желанье правит их телами.

Он и она, и ничего
Для них сейчас не существует.
Она волнует лишь его,
Он лишь ее одну волнует.

И гроздя поцелуев вновь
Ласкают трепетное тело.
Набухла и твердеет плоть,
Страсть раскалилась до предела.

Томленье, стоны, нежность рук.
Всё ближе, ближе то мгновенье.
Соединенье сладких губ
Усиливает возбужденье.

Чем ближе миг, тем слаще вкус,
И мыслям не подвластно тело.
Еще чуть-чуть, еще чуть-чуть!
Ее желанью нет предела.

Волна по телу, всё дрожит.
Любовь стремится к высшей точке.
Движений нарастает ритм,
И разливаются потоки.

Потоки страсти изнутри,
Лаская, движутся по телу
И, словно снежный ком с горы,
Сначала катятся несмело.

И, на пути сметая всё,
Вдруг превращаются в лавину.
И вот ее волна несет.
Всё нарастает нестерпимо.

То отступая, то опять,
Накатывает вверх, бросая.
И он уже не в силах ждать
И с ней на пик волны взлетает.

Еще немного, и они,
Упав, лежат в изнеможение.
Еще пульсирует в крови
Сок сладострастных ощущений.

Приятно нежное тепло.
Она и он лежат, обнявшись.
Они забылись, рассвело.
Луна поблекла в солнце вставшем...

С утра пришли, как уговор,
В контору, чтобы разобраться.
Всё обсудили и потом
Решили: надо собираться.

Присели вместе за столом,
Примерно карту набросали.
Но как теченьем их снесло,
Потом обратно прошагали.

Не смог Иван ничем помочь.
Всё лишь примерно, пальцем в небо.
Похоже, нет туда дорог,
А знать, телеги не проедут.

Ну что ж, идти пешком опять.
Иван, Степан с проводниками.
Еды побольше надо взять
И ружья, пилы с топорами.

И председатель пригласил
В контору мужиков бывалых.
Тех, кто вокруг всё исходил,
Всех старожил, из самых старых.

Спросил, кто может им помочь
Найти людей, сюда доставить.
И были многие не прочь,
Он восьмерых из них оставил.

«Ну что ж, на сборы два денька.
Выходим утром послезавтра.
Дорога будет нелегка,
И нужно хорошо собраться.

Большую реку перейдем
И дальше вверх вдоль так и двинем.
Не знаю, сколько дней пройдем.
Но, думаю, неделя минет».

Кузьма хотел возглавить ход,
Но комиссар сказал: «Негоже
Надолго оставлять совхоз.
Здесь председатель всё ж быть должен».

«Ну что ж, тогда пускай Федот.
Он самый старый, всё тут знает.
Так, послезавтра значит сбор.
Вот здесь с утра и назначаем...»

Разлука долгой быть могла.
Ему идти, ей оставаться,
Но брать с собой ее в леса
Иван уж очень опасался.

Она ему за эти дни
Вдруг стала самой дорогою.
И он решил идти один
Ей будет лучше здесь, спокойней.

Пока у деда поживет,
Чего поможет по хозяйству.
Игнат сказал, что у него
Скучать ей, в общем, не удастся.

В обиду никому не даст.
Пускай живет, как дочка, в доме,
А вот потом придет Иван.
Глядишь, и свадьбку устроим.

Так порешили, хоть она
И не хотела оставаться.

Но всё же настоял Иван
Его в деревне дожидаться.

Ночь перед выходом его
Всю провели на сеновале.
И, позабыв опять про всё,
Друг другу страстно отдавались...

А утром восемь мужиков,
Степан, Иван и Александра
Собрались, и Кузьма Ершов
Еще раз обсудил все планы.

«Вас лодки ждут на берегу.
Федота слушаться, всем ясно!
А в общем, что я говорю.
Всё сами знаете прекрасно.

Идите с Богом, будем ждать
Через недели две, наверно.
И надо ж так людей загнать.
Да, проводник был явно скверный».

Дошли до леса, через лес.
И вот она, река, открылась.
В ней отразилась синь небес.
Эх, хороша, напилась силы.

Из сотен речек, ручейков
Она течет, вбирая воды.
Среди полей, среди лесов,
В долинах, огибая горы.

Прекрасна матушка-река.
В ней мощь энергии и жизни.
О камни хлещется волна
И разбивается на брызги.

Она водой питает всё:
Деревья, травы, человека.
И всё растет, и всё цветет
Из года в год, от века к веку.

И убегая вдаль, маня,
Она впадает в море где-то.

И возвращается опять
Из тучек дождиком и снегом.

Дождю мы радуемся в зной.
Пушистому мы рады снегу.
И, глядя на реку, порой
Мы забываем наши беды.

Вода смывает с сердца грязь.
С души смывает паутину.
И вольно дышится опять.
Жизнь интересна и красива...

Четыре лодки на реке
Их ждали, на волнах качаясь.
Иван прижал ее к себе,
И они долго целовались.

Как две недели без нее,
А может, больше, кто же знает.
Она уже вот слезы льет.
«Да не печалься ты, родная.

Не на войну ведь ухожу.
И мне теперь медведь не страшен.
И не один ведь я иду.
Ну что ты плачешь, Алексаха.

Вернусь я скоро, и тогда
С тобою свадебку сыграем.
Ну всё, не плачь, а мне пора.
Всё будет хорошо, родная.

Игнат, ты присмотри за ней,
Она совсем еще девчонка.
Но мне она всего милей».
«Всё будет хорошо, да что там.

Она как дочка для меня.
И присмотрю, и будет сыта.
Не сомневайся ты, Иван,
Ее я уж не дам в обиду.

Иди спокойно, не тужи.
Мы здесь с Лександрой разберемся.
Ты должен что? Людей спасти.
А мы вдвоем тебя дождемся».

Они поплыли, а Игнат
И Александра всё стояли.
Катилась тихая волна,
А лодки дальше уплывали.

И вот уж точки вдалеке.
«Ну что ж, пора идти нам к дому.
И вытри слезы ты уже.
Негоже плакать по живому.

А мы пойдем сейчас домой.
Картошечки с тобой отварим.
И ты не думай о плохом.
Эх, повезло с тобою Ване.

Лицом красива, хороша.
И остальное всё при месте.
И, видно, добрая душа,
И скоро будете вы вместе.

Ты мне напомнила жену.
Ее Прасковья величали.
Лет восемь без нее живу,
А иногда проснись в печали.

И вспомню милое лицо,
И сердце жметя так тоскою.
Я как без жизни без нее,
И душу всё не успокою.

Она такая же была.
Молчунья и краса-девица.
И вышивала, и пекла,
И на все руки мастерица.

Не знаю, что во мне нашла.
Пришел из леса, небогатый.
Конечно, не пустой карман,
Но уж немолодой и наглый.

И ни кола, и ни двора.
За что, не знаю, полюбила.
На пирожки, на чай звала
И через год всё ж приручила.

И я осел, построил дом.
Ее любил, детей растили.
И было в жизни всё ладком.

Так двадцать пять годков прожили».

– А от чего же умерла
Прасковья ваша, дед Игнатий?
– Да всё проклятая война
И наши дуралеи, мать их!

Ты, дочка, извини меня,
Но злость вскипает, нету силы.
Солдат-дурило рассказал
И уложил ее в могилу.

А было так. Была война,
Сыны ушли, и долго как-то
От них ни слуха, ни письма,
И тут сосед пришел, Агапка.

Вернулся с деревяшкой он.
При взрыве ногу оторвало.
Да всё ж живой домой пришел,
А много мужиков пропало.

В печали нам поведал он,
Когда в больнице он валялся,
То список видел над столом.
Наш сын умершим там считался.

Ну тут Прасковья сразу в плач.
Неделю плакала, молчала.
Сын этот младший был у нас.
Лишь только двадцать отстучало.

Вся извелась она совсем,
Молчала всё и ела мало.
А тут письмо принес Евсей.
И нет чтоб мне отдать сначала.

И кто нам может написать,
Подумал бы башкой своею.
И надо ж было ей отдать,
Ведь видел, что она болеет.

У нас все родственники здесь.
Сейчас почти уж не осталось.
Она одна была в семье.
Бог им не дал, не получалось.

Евсей – то письмоносец наш.
Он письма в город доставляет
С обозом в месяц пару раз.
Немой, но дело свое знает.

Евсей – он грамотный мужик,
А вот с войны немой вернулся.
Осколок что-то повредил,
Но вот не спился, не согнулся.

Он думал, сыново письмо,
Хотел порадовать Прасковью.
Но вышло всё наоборот,
Он лишь еще добавил горя.

Не сын прислал нам то письмо.
Боец писал, служили вместе.
Писал, что был жестокий бой,
И сын сражался храбро, с честью.

Их окружили, но они
Решили всё же прорываться.
Хоть силы были неравны,
Но мысли не было сдаваться.

Последнее, что видел он,
Снаряд ударил рядом с сыном.
А после только сильный звон,
И небо пеленой закрыло.

Про сына в госпитале он
Спросил. Сказали: «Умер ночью».
Хоть мертвого не видел он,
Но врач не будет врать нарочно.

Я на покое был в тот день.
Гляжу: Евсей ко мне несется.
Руками машет, мол, скорей.
Меня он тянет и трясется.

Я понял, что-то здесь не то.
И к дому бросился быстрее.
Лежит жена, в руке письмо
Лицо-то аж муки белее.

Я уложил ее в кровать,
Она не ела и молчала.
Всю паралич ее сковал,
Через неделю и скончалась.

И я тогда затосковал.
И жизнь не жизнь была без милой.
А тут как чудо Бог послал.
Такое только в сказках диво.

Явился младший мой сынок.
Ну, думаю, с ума схожу я.
Но нет, здоровый и живой
И обнимает, и целует.

А через месяц старший сын.
И тоже целый и здоровый.
Подумал: «Боже, ну скажи,
За что ты сделал с ней такое?

За что ты ее наказал?
А может, меня наказал ты?
За что ты ей жизни не дал?
Мы в чем пред тобой виноваты?

Но Бог мне ответа не дал,
А может, и дал, как понять тут?
Сыночков живых мне отдал.
Живи, не горюй, мол, Игнатий».

– Но как случилось, дед Игнат,
Что сыновья домой вернулись?
– Всё перепутала война,
А им удача улыбнулась.

В больнице в списке был не сын,
А был его однофамилец.
А старший точно ранен был,
Его почти похоронили.

Но выжил, мимо смерть прошла,
Слегка косою зацепила.
Жизнь посильнее, знать, была.
Врачи сложили, всё зажило.

Потом служил опять, а тут
Решил он к дому воротиться.
Не ожидал, что радость вдруг
Внезапно в горе обратится.

Погоревали вместе, что ж.

Жить надо дальше, что поделать.
Былого снова не вернешь,
Судьба так, видно, захотела.

Хозяйство обновили всё.
Но понял я: им скучно дома.
И манит что-то их еще.
И я сказал: «Езжайте в город».

Я отпустил, пускай летят.
Ну что им здесь, в глухой деревне.
А мне тут лучше: благодать!
Лес, тишина и воздух свежий.

Вот так и живу я с тех пор.
Один с собакой и курами.
Но вот послал подарок Бог,
Теперь не скучно будет с вами.

Почти полжизни рассказал.
Вишь, дочка, как оно бывает.
Такая, видно, мне судьба,
А ты всё думаешь о Ване.

Мы скоро уж дойдем уже,
Давай с тобой договоримся.
Всё будет хорошо, поверь,
Ничто с ним точно не случится.

И слезы лить не думай зря.
Ведь две недели – это быстро.
И не заметишь, пролетят.
Вот тут Иван и воротится».

Он успокаивал, а сам
Вдруг вспомнил взгляды комиссара.
Федоту что-то говоря,
Он всё косился на Ивана.

Кузьма сказал, что комиссар
Гонца отправил в город срочно.
И попросил прислать отряд.
Отряд бойцов, ну хоть полсотни.

И заодно сказал узнать,
Что с конным тем конвоем стало,
Который ссыльных провожал,

А после их в лесу оставил.

Он не поверил в их рассказ.
Зимой в лесу не выжить долго.
Мешок крупы, три топора.
Да это просто невозможно.

Не выжили б зимой никак,
Помог им кто-то, это точно.
В лесу бандиты – это факт.
И к нам заслали их нарочно.

Узнать послали, кто тут есть.
Сколь мужиков, как настроенье.
Какая власть сегодня здесь
И можно ль захватить деревню.

Кузьме сказал он отобрать
В поход лишь тех, кто власти верен.
Бандитов встретят, так стрелять
И не жалеть, как злого зверя.

Патронов дал в дорогу им
Побольше, чтоб в запасе были.
Сказал, чтоб осторожно шли,
В засаду чтоб не угодили.

Кузьма не верил, что Иван
Мог оказаться в белой банде.
Пускай гадают комиссар.
На то сюда он и поставлен.

Своими мыслями Кузьма
Про то с Игнатом поделился.
Да, видно, бравый комиссар
За власть народную боится.

А нам что белый, что рябой.
Мы и при тех, при этих жили.
Нам главное, чтоб не разбой,
И не грабеж, и не насилье.

Мы здесь трудом своим живем,
Налог сдаем советской власти.
А что осталось, продаем.
Пока обходят нас напасти.

И вряд ли нас сошлют куда.
Всех кулаков сюда сослали.

Теперь здесь каждый, знать, кулак.
И раскулачат нас едва ли.

Иван, конечно, не кулак.
И контрой никогда он не был.
Видать, не добирали план,
И кто-то накатал «телегу».

«Таких, как он, у нас полно, —
Сказал Кузьма тогда Игнату. —
Но чтоб сосед писал донос,
Рубить за это руки надо».

Вот странный вышел разговор.
Кузьма как будто за советы,
А защищает кулаков.
Никак не разберу я это.

Он вспомнил этот разговор
И посмотрел на Александру.
«Всё будет, дочка, хорошо,
Всё будет хорошо с Иваном.

Ну вот уже мы и дошли.
Слышь, Шарик лаем нас встречает.
Давай, хозяйка, заходи.
Сейчас попьем с малинкой чаю...»

А за рекой, на берегу,
Всё тоже шло пока по плану.
Чуть перекур, и снова в путь,
И впереди Степан с Иваном.

А рядом с ними шел Федот.
Он знал в округе все дороги.
Он исходил здесь много троп,
И все шагали без тревоги.

Все шли уверенно за ним
И заблудиться не боялись.
Он среди всех старейшим был,
Все слушались и понимали.

От речки шли недалеко.
Шагов так сто, а может, ближе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.